

Широка страна моя родная...

ИСТОРИЯ БЕЗ ВЫРВАННЫХ СТРАНИЦ

На ОРТ есть передача О.Шкловского «Как это было», в которой непосредственные участники рассказывают о тех или иных громких и не очень событиях прошлого.

Я расскажу о довольно заурядном по тем временам событии, происшедшем в Канске в конце сентября 1952 года, которое так ярко запечатлелось в моей памяти, что помнятся все его нюансы и подробности. Еще был жив «вождь и учитель» всех времен и народов товарищ Сталин; еще действовали во всю мощь созданные его злым гением концентрационных лагеря, перемалывая судьбы миллионов людей; над страной еще витал злым демоном дух всевильного А.П.Берия. Страна пела бодренные песни, из всех репродукторов и тогдашних СМИ неслись победные реляции со всех трудовых фронтов. Мы были самые-самые в мире, у нас было все самое-самое в мире. И мы, 13-14-летние подростки той поры во все это верили, как и многие другие — в счастливое светлое будущее. С этой верой мы жили, учились, ходили и отстаивали в бесконечных очередях за всем необходимым для жизни — хлебом, солью, сахаром, мылом, тетрадами и чернилами. Также как и многие считали, что так и нужно; дальше будет лучше. Ведь нам же внушала пропаганда, какие великие трудовые подвиги свершались ежедневно, и какие грандиозные планы великих свершений нам предстоит воплотить в жизнь. И однажды мы с двоюродным братом Володей стали случайными свидетелями одного такого «трудового подвига».

К юго-западу от Канска, километрах в двух-трех от нашей улицы Аэродромной (она тогда была крайней и являлась границей города) за заболоченными озерами, где мы иногда ловили галянов, располагался колхоз «Новый путь». Центральной усадьбой его было село Лобаново, раскинувшееся вдоль берега реки Кан. По обе стороны — земли колхоза, в том числе и хлебные нивы, на которых в этот день завершилась очередная «битва за урожай». Хлебоборобы убрали зерновые. Погода стояла прекрасная: сухо, тепло; природа как будто способствовала уборке и помогала крестьянам. К концу сентября хлеб с полей в основном был уже убранный, работы шли на токах по подготовке зерна к вывозке. Уборку с полей этот колхоз завершил одним из первых в крае, о чем по инстанциям было доложено и отрапортовано. По этому случаю готовились представления к высоким правительственным и государственным наградам на руководство колхоза и некоторых колхозников по разнарядке райкома. Ожидали наград и чиновники партийно-хозяйственного аппарата райкома и даже края. Для усиления эффекта, а также в пропагандистских целях готовилась в колхозе помпезная акция под названием «первый хлеб нового урожая — Родине», для чего предстояло отправить первый обоз с хлебом из села в город.

Рано утром в прекрасный солнечный сентябрьский день 1952 года мы с Володей пошли на озеро на рыбалку. Поднявшись на довольно высокий холм за одним из озер, мы увидели как на ладони Лобаново. Расстояние было не большое, поэтому было видно и слышно все, что происходило в селе. Наше внимание привлекло необычно оживленное передвижение конных подвод, верховых и легких бричек по центральной улице деревни, которая плавно переходила в дорогу, ведущую в город. У здания правления колхоза собрались люди. Кто-то куда-то уходил, другие подходили к правлению и, видимо, получив какие-то указания, снова уходили. Царила обычная

суматоха, характерная для подготовки какого-то важного мероприятия. Перед правлением уже были установлены столы, покрытые красной материей, наверное, для президиума. На площади уже стояло несколько конных подвод, груженных мешками с хлебом. На подходе были еще несколько. Почти каждая подвода была украшена транспарантами с лозунгами «Наш труд — Родине!», «Слава тов. Сталину!», «Принимай, Родина, наш урожай!»

С другой стороны деревни, за ее околицей в тени небольших лесочков-ролков стояли четыре только что подъехавших крытых грузовика «студбеккера», из которых высаживались люди, в основном женщины, но было и несколько мужчин. Все они были в штатском, кроме водителя-солдата. Мы поняли, что привезли заключенных из ближайшего женского лагеря. Женщины были одеты почти однообразно — белые и светлые кофты, темные юбки и сарафаны, головы повязаны платками. Судя по всему, они должны были изображать радостных колхозниц — участниц битвы за урожай. В руках они держали грабли, лопаты, деревянные вилы, косы, серпы — обычный сельскохозяйственный инвентарь. Мужчины тоже были одеты под среднестатистического колхозника, но, судя по выправке, в них угадывались охранники, которые изображали бригадиров и звеньевых. Выдавали их и оттопыренные задние карманы брюк, где лежало оружие. Приехавших было немного — человек семьдесят. Они энергично строились в колонну, чтобы подойти к собравшимся у здания правления.

Со стороны города на въезде в село на дороге показались три легковушки — «Победа», в сопровождении нескольких конных экипажей-бричек. Это приехало краевое, районное и городское начальство. На одной из бричек ехали кинооператоры. Вся эта процессия, подъехав к ожидавшим их людям, не спеша развернулась. И из остановившихся машин и бричек величественно вышло начальство и направилось к столам президиума. В это время затрещали кинокамеры, запечатлевая сей важный исторический момент.

Вдур со стороны лесочков-ролков раздалась песня. Это шла колонна «колхозников» в сопровождении «бригадиров» и «звеньевых». На плечах они несли ручные сельскохозяйственные орудия труда. Они пели песню «Широка страна моя родная». Нам хорошо было слышно их пение. Но как они ее пели! Это было что-то необыкновенное. Люди в это пение вкладывали всю душу, всю скопившуюся за годы отсиживания в лагере, к свободе. Это было действительно чрезвычайно красиво, завораживающее, я бы сказал — божественное пе-

ние. В этот миг все вокруг в природе замерло. Казалось, что воздух каждой своей молекулой был полон этой песней, что даже все окружающее — трава, деревья, их листья — колыхались в такт этой мелодии. Пела сама природа, сама жизнь. Это было так необычно, что казалось сверхъестественным. Мы, очарованные таким удивительным исполнением популярной в то время песни, стояли ошарашенные и невольно покачивались в ее ритме.

Все, кто был на площади тоже замерли и с любопытством смотрели на подходившую колонну людей. Наконец, пение закончилось, но вместо аплодисментов стояла какая-то напряженная тишина. Колонна молча подошла к груженным подводам и остановилась. Неподалеку расположились колхозники и колхозницы. Начался митинг. Ораторов было много, они быстро сменяли друг друга. Вот здесь-то и гремели аплодисменты и здравия. Все это снималось кинооператорами на пленку.

Вскоре митинг закончился. Пришедшие с песней «колхозники» под командой все тех же «бригадиров» молча, уже без песни отправились обратно к поджидавшим их «студбеккерам», чтобы вновь вернуться к своим лагерным беспросветным будням. Они исполнили свою роль статистов на чужом для них празднике. Только на мгновение они почувствовали себя свободными гражданами «широкой родной страны». Но настоящая свобода придет к ним позже, после того как умрет Великий Диктатор. Этого еще никто не знал и их жизнь продолжалась по кем-то написанному жестокому сценарию.

Уехали они также тихо и скромно, как и появились. В это время по дороге в город из села вытянулась и другая колонна. Впереди на «Победах» и конных бричках ехало начальство в соответствии с субординацией и рангом. За ними шествовал конный обоз примерно в двадцать подвод с хлебом, украшенный зеленым лапником и кумачовыми транспарантами. Перед ними на телеге ехал духовой оркестр и все время играл патристические мелодии и марши.

Мы, позабыв про рыбалку, подошли к самой дороге, ведущей в город и с любопытством глядели на это зрелище. Когда эта процессия мимо нас проплыла, мы, выйдя на дорогу, пошли за обозом следом. Вот так торжественно, под оркестровую музыку мы вместе с обозом вошли в город, вернее на его окрашенные улицы, состоящие из одних частных домишек. Услышав музыку, и привлеченные необычным зрелищем, люди выходили из своих домов на улицу. С других улиц тоже бежали любопытные жители. Люди стояли молча и угрюмо провожали тяжелыми взглядами проходящий обоз. Они понимали, что этот хлеб предназначен не для них, что он исчезнет, как всегда, в бездонных и загадочных «закромах Родины». Для них же предназначалась только эта показуха и трескотня.

Так отмечался первый день досрочной сдачи хлеба государству. Это был первый хлебный обоз в районе в этом сезоне. Потом хлеб повезут уже обычным порядком — без помпы, без пышных торжеств, и он так же бесследно исчезнет в безразмерных «закромах». А люди, для которых он и был предназначен, проводив грустными глазами и скептическими улыбками подобные обозы, привычно пойдут в ночь занимать очередь за хлебом; очередь, которая стала неотъемлемой частью их бытия.

Вот такие «трудовые подвиги» свершались на наших глазах в годы нашего далекого послевоенного несбытого детства. Так это было...